

ПОЭЗИЯ ПОД ГАРМОНЬ

Мит. Россия - 1995. - 1 септ. - с. 11.

На улицах Москвы с Николаем здороваются незнакомые, даже когда он просто идет по центру. А если во взволнованной толпе, чуть в сторонке, он примостится с баяном, то заслушиваются люди его песнями, не осознавая, что влечет их — поэзия. Люди тянутся к песням Николая Поземкина не за разрешением политических вопросов, а так, как всегда тянутся к поэзии — за разрешением вопросов жизни. Успех нескольких концертов Николая в залах московских культурных центров подтвердил тягу его сограждан к высшему самоосмыслению, русскому космосу. И в авторе, и в слушателях звучит «слезами света песня от Бояна...».

*Чаша народной любви
прокинута —
Политы потом поля.
Там,
где исконная песня покинута, —
Плачет о песне Земля.
Выдумал кто-то
любовь безымянную —
Выврал у песни мечты.
Под ноги бросил тоску окаянную,
К предкам взрывая мосты...*

И словно нет столицы с ее неразрешимыми злободневными страстями. Слово века назад окружили слушатели заходящего певца судеб земных и вечных. Он служит основному делу поэзии — настраивать людское мировосприятие, жизненное поведение человека по традиции, заложенной в зернах национальной образности. Дело поэта — открывать истинные образы мира, прислушиваясь к вечному в разногласии времени. Этим путем идет Н. Поземкин:

*Чтоб я неведомое — ведал,
И песню памяти почтил...*

В песнях Поземкина с поэзии снимается барьер «книжности». В его строках — простые слова, чувства, не требующие толкования, впитываемые мгновенно. Простота не от бедности, а от чуткого и возвышенного проникновения в основы русской речи как основы национального мироощущения. Слова-то простые, да их истинный смысл для современного человека отчужден от начала своего. Для питомца образованщины стихи Поземкина — экзотика.

Поэту даровано дивное свойство творца — являть волшебство *г о в о р я щ е й* речи. Прихотливый, на первый взгляд, порядок слов в строке, само строение стиха предоставляют свободу деянию, заложенному в слове, истечению из него энергии чувства и изобразительной мощи. Даже в обыденном пейзаже:

*Милые лилии вывелись.
Водь поросла камышом.
Мели песчаные выдались —
Русло реки нагишом.*

Он смотрит все пристальней в глубь происходящего — и открывает то, что таится на дне всего гибнущего, — борьбу, последнее усилие одоления гибели. Поражается ярости этого усилия:

*В омуте плещутся пленники
Бедной стихии своей,
Словно пытаются вытаскать
Алые перья зари,
Счастье рыбацкое выпустить,
Улей небес разорить.*

Поэт ловит бытийную волю... Невозможно не заметить, а тем более не почувствовать русской душой глубокие славянские истоки пейзажа, даже в гибельности своей исполненной силы. Так неукротимо рвется, бьет крылами, светится благо несущим светом вся живая русская речь.

Именно естественное пребывание автора в национальной стихии дает ему возможность откликаться на любое движение природы, на добро и зло как в прошлом, так и в настоящем. И слово поэта обладает безошибочным свойством попадать в наши таинственные родовые, болевые точки. Неудивительно, что его слушатель порой срывается на крик, соприкасаясь душой с правдой, высказанной в песнях-стихах. Порой он словно повязку срывает с глаз...

*Лес столетний подпел,
падал — ухал!
Телогрейку скидывал парень-ухарь.
Гой ты, песенная даль,
в платье белом!
Предстоит нам
твой мотив переделать.
Время катится вперед
с новым ладом.
Кто-то песни не поймет.
И не надо!*

Очевидный представитель национальной духовной элиты, Н. Поземкин — из

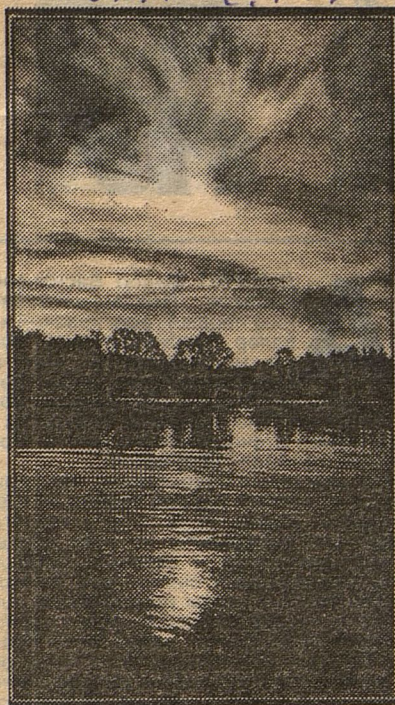

Фото Т. Соломко

славного племени народных философов, творцов-умельцев, множество имен которых осталось в истории и мысли русской. Внутренняя свобода — этим даром поэт отмечен с рождения. Нельзя пройти мимо того чудесного, что отметило младенческую его пору. Он оказался на пороге смерти, чудом выжил (отец сжег приготовленный уже ему гроб) и обрел, хотя ненадолго, дар ясновидения. Прозревал жестокие картины, видел убийство... И далее обстоятельства жизни не раз испытывали его внутреннюю свободу. Однажды довелось Николаю, тогда курсанту военного училища, в наряде, где под его началом оказались совсем необученные новобранцы, задержать угон самолета. Об этом угоне уже ругали западные голоса... Там вышел конфуз, а Николай вскоре навсегда расстался с армией. Впрочем, недавно он был принят в Офицерское собрание, не будучи офицером; за созданный им гимн этого Собрания.

Выстрадавшая вопреки обстоятельствам свобода и сотворила оригинальный образ поэта. Причем обстоятельства, которые он преодолевал, были не только враждебными. Вели и к благополучию, и легкому успеху. Трудно поверить, но стихи его, тогда бригадира БАМовских проходчиков, были замечены Брежневым, и вокруг Николая уже готова была разразиться рекламная шумиха. Он ушел от нее, как ушел с БАМа буквально накануне получения ордена, как бригадиру победившей в соревновании бригады.

Образ поэта удивительно сопоставим со знаменитым героем А. Платонова из повести «Сокровенный человек». Если бы Фома Пухов писал стихи, то именно те, что пишет Николай Поземкин. Самоуглубленное созерцание краев земных, которые и поэт, и сокровенный человек, платоновский герой, исходили, влекомые мечтой о своей русской доле, у них едино. Зерно мечты — тайна народного самовозрождения. «Найдет Россия Слово, спасет себя сама».

Нынешнее участие Николая в политике — тоже наособику. Он идет с баяном и говорит народу свое, порой надев на себя плакат «Молчаливое презрение к беззаконию». Провозглашает «любви и правды чистые ученья». Любовная лирика Николая учит красоте и святости чувства. Народная символика, мужественная нежность души живут в русской Вселенной.

*И появится третий — Бог,
Скажет правду,
что в тайнах чтут.
Его имя и каждый слог
На скрижалях святых распнут.*

Верный друг и спутник поэта баян игрой своей подтверждает старую истину: поэзия русская — сама песня. Творить — значит петь. Можно сокрушаться, что песенное богатство России ушло в подпочвенные воды. Но в поэзии осталась тайна песенности как основа русского мироощущения. И не обойтись тут без музыкального ключа.

...Вот так, наверное, подыгрывал себе на гармошке Николай Рубцов, напевая про архангельскую пристань. Так современные поэты берут в руки баян, гармонь, гитару и, как пишет Н. Поземкин, «несут предания в народ».

*Песня моя беспокойная, вольная, —
Русь окаянная...
Благо-дарю!*

Ирина ШЕВЕЛЕВА